

Алексей Писемский

Питерщик

Алексей Феофилактович Писемский Питерщик

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=661235

*А.Ф.Писемский. Собр. соч. в 9 томах. Том 2: Издательство «Правда»,
биб-ка «Огонек»; М.: 1959*

Аннотация

«Чухломский уезд резко отличается, например, от Нерехтского, Кинешемского, Юрьевецкого и других, – это вы заметите, въехавши в первую его деревню. Положительно можно сказать, что в каждой из них вам кинется в глаза большой дом, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, бог весть для чего устроенными, потому что на них ниоткуда нет выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которых иногда попадаются довольно странные предметы...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алексей Феофилактович Писемский Питерщик¹ *Рассказ*

I

Чухломский уезд резко отличается, например, от Нерехтского, Кинешемского, Юрьевецкого и других², – это вы заметите, въехавши в первую его деревню. Положительно можно сказать, что в каждой из них вам кинется в глаза большой дом, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, бог весть для чего устроенными, потому что на них ниоткуда нет выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которых иногда попадаются довольно странные предметы, именно: летящая слава с трубой; счастье, вертящееся на колесе, с завязанными глазами; амур какого-то особенного темного цвета, и проч. Если таких домов два или три, то прихоти в украшениях еще

---

² Костромской губернии. (Прим автора.)

более усиливаются, как будто домохозяйева стараются пере-
щеголять в этом случае один другого; и когда вы, проезжая
летом деревню, спросите попавшуюся вам навстречу бабу:
«Чей это, голубушка, дом?», – она вам сначала учтиво поклон-
нется и наверно скажет: «Богачей, сударь». – «А этот другой
чей?» – «А это других богачей». Произношение женщины³,
без сомнения, обратит на себя ваше внимание: представь-
те себе московское наречие несколько на а и усилие его до
невероятной степени, так что, говоря на нем, надобно, как
и для английского языка, делать гримасу. Я сказал, что вы
встретите женщину, на том основании, что летом вы уж, ко-
нечно, не увидите ни одного мужика, а если и протащится
по перегородке какой-нибудь, в нитяной поневе, нечесаный
и в разбитых лаптях, то вы, вероятно, догадаетесь, что это
работник, – и это действительно работник и непременно ле-
менец.⁴

Зима – другое дело; зимой мужиков много появляется. У
Богоявления, что на горе, с которой видно на тридцать верст
кругом, в крещение храмовой праздник: с раннего еще утра
стоят кругом всей ограды лошади в пошевнях. Такой наряд-
ной сбруи я в других местах нигде и не видывал. На узде,
например, навязано по крайней мере с десяток бубенцов, на

---

³ Произношение женщины... – Акающий говор Чухломского уезда резко выделяется среди окающих говоров Костромской губернии и всего северо-восточного диалекта великорусского языка.

⁴ Вологодской губернии волость. (Прим. автора.)

шлее медный набор сплошь – весом в полпуда, а дуга, по золотому фону расписана розанами. Войдите в церковь: народ стоит удивительно чистый, лица умные, благообразные, на всех почти синие кафтаны; а вон напереды стоят одна лисья и две енотовые шубы – это-то и есть самые богачи: они из Терентьева, да их и много; вон в синем кафтане, рублей по восемнадцати сукно, – это из Овсянова; заезжайте к нему в гости: уверяю, что без цимлянского не уедете! В серой поддевке, рыжая борода, тоже богач из Маслова, одним словом, очень много, всех не перечесть!

Дело в том, что весь тамошний народ ходит на чужую сторону, то есть в Москву или в Петербург; а есть и такие, которые забираются и в Гельсингфорс и даже в Одессу и промышляют там: по столярному, стекольному, слесарному мастерству. Очень трудной работы – каменной, плотничной, кузнечной – чухломец не любит.

Жизнь почти каждого из них проходит одним обычным порядком: приходит к барину крестьянка – полустаруха.

– Что скажешь, Михайловна? – спрашивает тот.

– К вам, сударь, – парнишку с анофревским Веденеем Иванычем сговорила.

– А по какой это части?

– По стекольной, батюшка, части.

– Что это у вас все стекольщики?.. Хоть бы кто-нибудь из вас в колесники в Макарово отдал? А то по деревне колеса некому сделать.

– Где уж, батюшка, мне это затевать, дело вдовье, непривычное, а тут все на знакомстве-с.

– На сколько же лет?

– На пять-с лет, а по выходе от хозяина сто рублей да синий кафтан-с с обувкой.

– Ну что же? Хорошо, с богом!

И отправляют парнишку с Веденеем Иванычем, и бегаёт он по Петербургу или по Москве, с ног до головы перепачканный: щелчками да тасканьем не обходят – нечего сказать – уму-разуму учат. Но вот прошло пять лет: парень из ученья вышел, подрос совсем, получил от хозяина синий кафтан с обувкой и сто рублей денег и сходит в деревню. Матка первое время, как посмотрит на него, так и заревёт от радости на всю избу, а потом идут к барину.

– Кто там? – кричит тот из кабинета.

– Афимья с своим питерцем пришла, – отвечают ему из девичьей, с любопытством оглядывая новичка.

– А, хорошо! Войдите.

Входит питерец; волосы приглажены, кафтан подпоясан с форсом, сапоги светятся и скрипят, кланяется барину и кладет ему на стол рыбу, или яблоков, или просто полтинник.

– Полно, братец, не надобно, – замечает барин.

– Пожалуйте⁵, – отвечает питерец, встряхнув головой.

– Молодец вырос, а мастерству выучился ли?

– Про себя, сударь, говорить нельзя, а все могим сделать,

---

⁵ Это значит – примите. (Прим. автора.)

что от хозяина было показано.

– Это хорошо: жениться теперь пора, да и в тягло.

Парень, слегка покраснев, улыбается.

– Не оставьте уж, батюшка, – отвечает за него мать и при этом случае опять прослезится.

– А у кого же думаете взять? – спрашивает помещик.

– У кого ваше приказанье будет, а мы, по нашему сирочеству, никого не обегает, – отвечает мать.

– Какое же мое приказанье: вы знаете, я в этом случае не приказываю... сходитесь по себе, полюбовно.

– На том благодарим, батюшка, покорно, – отвечает все мать, – коли милость ваша будет, так у Ефья Петровича девушку желаем взять.

– У Ефья, так у Ефья, ваше дело, – только чтобы с той стороны не было сопротивленья.

– Сопротивленья не полагаем, разговор уж об этом был.

– А тебе она нравится ли? – относится барин к парню.

– Нравится, сударь, – девушку похулить нечем, как быть следует.

И женят таким образом парня в мясоед, между рождеством и масленицей. Но как пришел великий пост, так и начали молодого в Питер собирать: прибрали попутчиков, привязал он к спине котомку и пошел, а там, месяца через два, и поотпишет что-нибудь, вроде того:

«Милостивеющая государыня матушка Афимья Михайловна и дражайшая сожительница Катерина Ефьевна, про-

сим вашего родительского благословения и навеки нерушимо; о себе уведомляю, что проживаю по тепериче у Веденя Иваныча за триста рублей в лето, и при сем прилагаю десять целковых на подушную, чего и вам желаю.

Крестьянин ваш сын такой-то».

На Петров день и барину оброк выслал, а к Новому году и остальную половину, и сам сошел в деревню. Так он ходит каждый год, а там, как бог посчастливит, так и хозяйство заведет: смотришь – и дом с белендрясами⁶ вытянул... Все это хорошо, когда хорошо идет, а бывает и другое.

Летом, в 184..., приехал я в чухломскую деревню Наволоки и, зная хорошо местность, вовсе не удивился, когда на крик моего ямщика: «Эй, десятской, подь сюда!» – вышла молоденькая и прехорошенькая собой баба.

– Ты, голубушка, десятской? – спросил я ее.

Она улыбнулась.

– Я, сударь.

– А как тебя зовут?

– Марьей.

– А строга ли ты?

– Да с чего мне строгой-то быть? Что за строгость такая, я и не знаю.

– Можно ли мне остановиться в этом большом доме?

– Для чего не остановиться... Погодите, я поспрошаю, – отвечала десятский Марья и начала стучать в окошко боль-

---

⁶ Белендрясы – резные деревянные украшения на деревенских домах.

шого дома.

– Клементий Матвеич, а Клементий Матвеич! Вона барин приехал, на фатеру к тебе позывается!

В окно выставилось мужское лицо.

– Позволь мне, мужичок, остановиться в твоём доме, я приехал по службе, – сказал я.

– Сделайте милость, батюшка, – отвечал тот проворно. – Не больно приглядно у нас...

– Дарья Михайловна, уберите там в горнице, что не надо, – услышал я его голос в избе, а через несколько минут он и сам показался на улице.

Это был лет тридцати пяти видный собой мужик, волосы русые, борода клином; на лбу несколько морщин, взгляд умный, лицо истощенное.

– Пожалуйте сюда на лесенку, – отнесся он ко мне, – уж извините на этот случай, что в таком наряде вас принимаем, дело деревенское... – На нем была наскоро накинутая, значительно поношенная купеческая сибирка. – Ты, любезный, возьми кругом, там под навесом и поставишь, – прибавил он извозчику, – а то тут в ворота не пройдешь; наш экипаж – телега, не громоздка, в калитку продернуть можно.

В сенях, у окошка, сидела худая сторбленная старуха и что-то ворчала, замахиваясь клюкой на пятилетнего мальчишку, который к ней то подскакивал, то отскакивал.

– Федька! Перестань баушку дразнить! Что ты? – крикнул на него Клементий.

– Она сама начинает.

– Я тебе дам: сама начинает!.. Вот уж пословица справедлива: старый, что малый, целый день у них этакие баталии идут... В горенку пожалуйста, сюда налево, – говорил хозяин, провожая меня.

Я вошел и, осмотревшись, тотчас же догадался, что я у питерщика. Комната вся была оклеена сборными обоями: несколько полосок французских атласных, несколько хороших русских и, наконец, несколько дешевеньких; штукатурный потолок был весь расписан букетами, так что глазам было больно смотреть на него; в переднем углу стояла красного дерева киота с образами и стол, на котором были нарисованы тарелки, а на них – разрезанные фрукты, а около – серебряные ножи и вилки; лавок не было, их заменяли деревянные стулья, выкрашенные как будто бы под орех. В заднем углу стояла кровать с ситцевыми занавесками, к которой Клементий бросился тотчас, как мы вошли, и начал выкидывать оттуда различную дрянь, говоря: «Эк у них тут навалено! Что это за баба необрядная, все ей не в заметку!..»

– Извините уж, батюшка, – прибавил он, обращаясь ко мне, – в чем застали, в том и судите, не чаяли вашей милости.

Я просил его не хлопотать, а велеть, если у него есть, согреть мне самовар.

– Как, сударь, не быть этого заведенья: не те нынче времена и не такие здесь места, чтобы не быть... Дарья Михайловна! – крикнул он в дверь, – поживее самовар, да приго-

товъте там чайник и чашки – все, как следует, – главная причина, перемойте почище.

– Славный у тебя дом, – сказал я.

– Живет, батюшка, по деревне.

– Сам строил или еще старик?

– Нет, уж сам выводил; лес как-то нынче не против старины: крепости и ядерности никакой не имеет.

– А эти цветы на потолке не сам ли рисовал?

– Никак нет-с: чужие по найму мазали.

– Да ты питерщик?

– Питерщик был-с.

– А по какому мастерству?

– Да тоже вот по этой, по малярной части.

– В домах, что ли, расписывал?

– Всяко-с: и по наружности занимались и внутри отделку брали.

– То есть как же?

– Да, то есть стены и потолки по трафарету расписывали, и асторическую живопись тоже немного маракуем.

– Все тоже по трафарету?

– Все по трафарету, нечего хвастать: от руки все как-то не доходим. Хватались было некоторые из наших, да не выходит, по тому случаю, что мужику против ахадемика не быть, ученья такого мы не имеем. Наше, сударь, доложу вам, мастерство такое, что и конца ему нет: крыши, да заборы, да стены красить – особ статья; а, например, полы под паркет

выводить или там дверь и косяки под слоновою кость отде-
лать, – это выходит вторая статья; экипажная часть тоже по
себе, мебельное дело другого требует, а комнатная живопись
настоящая опять другое, а название у всех одно: маляр, да
и баста, а кто дело разберет, так маляр маляру рознь – кто
до чего дошел.

Понятно, что Клементий был мужик оборотливый и
немного резонер, потому что, как видно, любил обо всем по-
рассудить и потолковать.

– Какое ремесло самое выгодное? – спросил я, желая сно-
ва вызвать его на разговор.

– Как вам, сударь, сказать, это все в зависимости от самого
человека. Конечно, по хозяйской части, как и в купеческом
деле, много и глупого счастья бывает, а если насчет работ-
ников взять, так все едино-единственно зависит от того, кто
как ремесло в толк взял, а другая главная пружина состоит
и в том: каков ты и в поведении, особенно нонече, потому
что народ год от года стал баловатее: иной парень бывает по
мастерству и не так расторопен, да поведения смиренного, так
он для хозяина нужней первейшего работника. Материалу,
например, временем нужно закупить, за рабочими присмот-
реть, артель там где-нибудь за глаза разделить, – он его сей-
час в это дело и употребит – и у нас эдакие люди рублей по
семисот в лето получают.

– Не по всем же мастерствам дается жалованье равное?

– Жалованье идет разное, про это кто говорит, только в

кармане выходит одно и то же. На что уж, кажись, по жалованью лучше кузнечного дела! Последний работник получает четыреста, а который поискуснее и холодную там подковку знает, так и четыреста на серебро хватит, а много ли богачей? Ни одного! От малого до большого, что в неделю заработал, то на праздник в харчевне и спустил; а тепериче, если взять и другую линию: портной, сапожник и гравировщик, – у нас считается на что есть хуже из всех: у них, с позволенья сказать, зимой, в субботу, в баню надобно сходить, так старший подмастерье выпросит у дворника рукавицы, наденет их, вместо сапог, на ноги да так и отваляет, а и по этому делу выходят в люди... Недалеко взять: у нашего барина дворовой человек сначала тоже в Москве поучился портняжничать, тут вернулся в губернию и теперь первый стал во всем городе портной, – и значит, что все человеком выходит.

– Неужели же портные менее прочих получают жалованья?

– Жалованье жалованьем... им точно и жалованья меньше идет против прочих, но главная вещь: присмотру за ним никакого нет. Проживают они больше по немцам, а немцу что?.. Платит он ему поштучно, спрашивает в работе чистоты – и только: рассчитают, что следует, а там и распорядиться жалованьем своим, как знаешь: хочешь, оброк высылай, а нет, так и пропей, пожалуй; у них хозяину еще барыш, как работник загуляет: он ему в глухую пору каждый день в рубль серебра поставит, а нам, хозяевам, этого делать нельзя:

у нас, если парень загулял, так его надобно остановить, чтобы было чем барина в оброке удовлетворить да и в дом тоже выслать, потому что здесь все дело соседское, все на знати; а немец ничего этого во внимание не берет...

Вошла хозяйка с самоваром – женщина еще молодая, но очень неприятной наружности, рыжеватая, в веснушках, с приплюснутым носом, узенькими глазами и вообще с выражением лица, ничего не выражающим. Сарафан на ней был хоть и ситцевый, но полинялый, рубашка грязная. Недаром Клементий говорит: «Эка баба необрядная...» – «Это, должно быть, не чухломка, – подумал я. – Чухломка к постороннему человеку, а тем более к барину, никогда бы в таком наряде не пришла...» Хозяйка между тем, поставив самовар, сходила за чашками. Клементий смотрел на нее, как мне показалось, с каким-то затаенным чувством досады...

– Хоть бы ты, Дарья Михайловна, для гостей-то умылась, – произнес он и покачал головой.

– Ну, батюшка, – проговорила баба, поклонилась и ушла.

Я пригласил Клементия напиться с собою чаю и сесть; то и другое он принял с большим удовольствием. Разговор между нами опять завязался, именно: о табаке, потому что я закурил в это время трубку.

– Вы трубку изволите курить? – спросил меня Клементий.

– Да, трубку, а что же?

– Так, сударь: нынче господа к сигарам больше пристрастия имеют, и как еще эти – проклятые – вот и названье-то

забыл – тоненькие такие...

– Папиросы?

– Именно папиросы: на удивленье ведь по первоначально было: бумагу вздумали курить, бедность такая пришла, точно вот как иные мужики у нас по деревне: курить-то охотник, а табаку нет, денег тоже не бывало, так он моху этого лесного засушит, наладет в трубку и запалит, точно настоящий табак, и поодурманит себя немножко, будто как и курил.

– А сам ты куришь или нет?

– Нет-с, сударь, по здешним местам отстал, а в Питере всего было: пуда с три пережег этого добра... и здесь было, правду сказать, начинал, да старуха бранится, так и бросил... Не стакан ли для чаю-то прикажете подать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.